

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Человек стоял перед микрофоном. Сильный, широкоплечий, в грубом свитере, какие носят рыбаки и крестьяне. Сжав руку в кулак, он резко рубил воздух...

...Не мог лежать я в прахе и золе,
Не мог в земле убитым оставаться,
Пока убийцы ходят по земле!

Голос у человека поразительный. Звнящий металл, яростный и сокрушающий. И короткие, жесткие аккорды рояля — как удары молота по наковалье. Монолог Тилля Уленшпигеля, песня гнева и ненависти, гремит в студии. Поет Эрнст Буш.

Потом мы стоим с ним у окна. В нескольких десятках метров пограничные укрепления. За ними, на той, западноберлинской стороне, — рейхстаг. Хозяином дома, где находится студия звукозаписи, был прежде президент рейхстага. В 1933 году — Герман Геринг. Отсюда, из этого дома, подземный ход вел в рейхстаг, который вспыхнул февральской ночью, чтобы Гитлер мог прокричать Германии, миру: «Это знак, данный богом. Отныне никто не помешает нам уничтожить коммунистов железной рукой!».

В Лейпцигском музее Георгия Димитрова протреты тех, кого надеялось «уничтожить железной рукой». Среди них был Буш. Его разыскивали. Но друзья помогли перейти голландскую границу...

В маленькой комнатке звукооператоров Буш прослушивает запись, затем идет писать дубль. И еще дубль. И еще.

Эрнсту Бушу 67 лет. Как-то у него дома я слушал записи, сделанные в разные годы. Ни разу мне не удалось угадать, ставилась ли пластинка 1937-го или 1967 года. Голос Буша — явление феноменальное, в этом да-

У микрофона Эрнст БУШ

но сошлись музыковеды. Не стареющий голос.

...Кажется, последний дубль его удовлетворил. Еще одна запись из серии «Песни Советского Союза», которую он готовит к 50-летию Октября, уходит в производство.

И снова Буш перед микрофоном. Но уже не гремящая напряженность, а мягкий, задумчивый лэризм в голосе.

Присядем, друзья, перед дальней дорогой, Пусть легким окажется путь...

1 мая 1907 года сыну кильского каменщика Фридриха Буша — Эрнсту разрешили во время рабочего праздника выступить с хором, в котором участвовал отец. Хор именовался весьма изысканно — «Гармония каменщиков». Семилетний мальчишка запевал вторую строфу «Интернационала».

— Добьемся мы освобожденья
Своею собственнй рукой, — пел он тонким детским голосом.

Слесарь-инструментальщик на верфи «Германия» в Киле, безработный, актер-любитель — это юность Буша. А затем профессиональная актерская работа в кильском театре, переезд в 1926 году в Берлин — и блистательные успехи на сцене театра Эрвина Пискатора на Ноллендорфплац, выступления в «красных кабаре», знакомство с Гансом Эйслером, Эрихом Вайнертом, Бертольдом Брехтом.

В комнате Буша на стене фотография — рядом сидят Буш и Вайнерт. Барселона, 1937-й.

«Я вижу и слышу его на фронте под Мадридом, у Торики, среди печальных руин белых известковых домиков. Он поет на рыночной площади перед тысячами утомленных боями и переходящими немецкими и интернациональных добровольцев. Это люди, которые в течение нескольких недель защищают Мадрид и ведут бои за каждый дом в университетском городке, сражаясь против марокканских войск и наемных солдат Франко. Буш поет для них, поет старые и новые песни свободы, поет о задачах их борьбы, о величии их жертв. И многие из них, никогда не знавшие слез — ни в концентрационных лагерях, ни при гибели своих дорогих товарищей по борьбе, — люди, кото-

рые, может быть, никогда не плакали, сейчас, в эти волнующие минуты, не стыдятся своих слез».

Это написал Вилли Бредель.

А потом был концлагерь для бывших борцов интербригад, потом одиночка тюрьмы Моабит и обвинение в «распространении в Европе коммунизма с помощью песен», ожидание процесса и приговора.

В ноябре 1943 года американская бомба попадает в здание тюрьмы. Буша, найденного среди обломков, вместе с десятками трупов бросают в мертвецкую. Случайно один из заключенных, перетаскивавший погибших, услышал стон.

Сорок пятый, освобождение, путь в Берлин. И встреча с советскими солдатами. Кто-то узнает Буша, подхватывает его песню:

Встань в ряды, товарищ, к нам!
Ты войдешь в наш единый рабочий фронт.

Потому, что рабочий ты сам...
Оказалось, человек этот слушал Буша в Москве, на концерте в Колонном зале в 1936 году...

* * *

Собственно говоря, название серии пластинок, которую Буш готовит к 50-летию Октября — «Песни Советского Союза», — пока условное. Когда я пришел к нему в последний раз, он репетировал для этой серии песню Эйслера и Бехера «Спасибо вам, советские солдаты». В серии будут песни Советского Союза — и песни о Советском Союзе. На рояле, на столе — кипа нот. «От края и до края, от моря и до моря», — напевает Буш. «Широка, страна моя родная...», «Нас утро встречает прохладой»,

«Эх, дороги», «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой»...

Начинается серия песней крестьян, которых гонят на первую мировую войну. «Песня-жалоба, песня-плач. И вдруг внезапно взрывается тоскливая жалоба гордым, твердым, могучим гимном: «Смело, товарищи, в ногу...» Голос Буша гремит в общем хоре, но он не теряется в нем, он слышен все время, требовательный, настойчивый, зовущий за собой.

— На немецком языке начальные слова песни иные — «Братья, я солнцу, к свободе!» Часто это исполняется слишком ровно, слишком спокойно. Но это же песня революции, песня походного марша, боевой атаки! Мне говорили: «Буш, вы давите хор». Но вот слушай, как пел эту песню Ленин...

И он поет.
— Видишь, если Ленину казалось, что песня звучит недостаточно темпераментно, он вскакивал с места, дирижировал, отбивая такт и взмахивая рукой. Он пел с хором, и он одновременно был впереди, он вел хор за собой. А теперь сравни...

Эрнст Буш ставит одну из репетиционных записей. Технически безупречно, но холодно, безучастно звучит хор. Он останавливает магнитофон.

— Это же певческий союз на юбилее! А она другая, эта песня...

И снова ставит ту запись, которую он отобрал для пластинки. И снова стремительно, уверенно и грозно заполняет комнату, рвется на улицу песня. Песня самой справедливой и самой человеческой революции.

Г. ГУРКОВ.
(Наш соб. корр.)
Берлин.

1 МАЯ 1967

«Комсомолец» Москва